

УДК 80

DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.1

Научная статья

Ван Чжаовэй¹

✉ bepa921victoria@163.com

¹Пекинский университет иностранных языков, г. Пекин, Китай

Образ «новой женщины» в творчестве З. Н. Гиппиус (на примере рассказов «Мисс Май» и «Яблони цветут»)

Аннотация: Статья посвящена образу «новой женщины» в творчестве З. Н. Гиппиус (на примере рассказов «Мисс Май» и «Яблони цветут»). Проанализированы взгляды З. Н. Гиппиус на женщин, а также ее концепция любви. В процессе анализа образа «новой женщины» были изучены семантика имен героинь, символические образы яблока, ольфакторная и акустическая образность. На основе выделенных идей охарактеризованы особенности «новой женщины», а также отмечены основные различия между образами «новой женщины» в прозе З. Гиппиус и образами женщин в романах И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и Н. Г. Чернышевского.

Ключевые слова: взгляд на женщин, концепция любви, новая женщина.

Дата поступления статьи: 23 июля 2023 г.

Для цитирования: Ван Чжаовэй (2023) Образ «новой женщины» в творчестве З. Н. Гиппиус (на примере рассказов «Мисс Май» и «Яблони цветут»). Наука о человеке: гуманитарные исследования, том 17, № 3, с. 7–15. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.1

Scientific article

Wang Zhaowei¹

✉ bepa921victoria@163.com

¹Beijing Foreign Studies University, Beijing, China

An image of the “new woman” in the work of Z. N. Gippius (on the example of stories “Miss May” and “Apple trees are blooming”)

Abstract: The subject of the research for the author of the article was an image of the “new woman” in the work of Z.N. Gippius (on the example of her prose “Miss May” and “Apple trees are blooming”). First of all, Z. N. Gippius' views about women and her concept of love are noted. On the basis of the selected ideas, the features of the “new woman” are characterized. In addition, the main differences between the images of the “new woman” in the prose of Z. Gippius and the images of women in the novels of I. S. Turgenev, I. A. Goncharov and N. G. Chernyshevsky are highlighted.

Keywords: the view about women, concept of love, new woman.

Paper submitted: July 23, 2023.

For citation: Wang Zhaowei (2023) An image of the “new woman” in the work of Z. N. Gippius (on the example of stories “Miss May” and “Apple trees are blooming”). Russian Journal of Social Sciences and Humanities, vol. 17, no. 3, pp. 7–15. DOI: 10.57015/issn1998-5320.2023.17.3.1.

Введение

В первом сборнике рассказов З. Н. Гиппиус «Новые люди» демонстрируется ряд образов «новой женщины», среди которых наиболее репрезентативными представляются образы героинь рассказов «Мисс Май» и «Яблони цветут». Образы «новой женщины» в творчестве Гиппиус принципиально отличаются от образов, созданных ее литературными предшественниками, такими как И. С. Тургенев, И. А. Гончаров и Н. Г. Чернышевский. Перед началом анализа особенностей образа «новой женщины» необходимо определить взгляды Гиппиус на женщин и ее концепцию любви.

Методы

Для анализа образа «новой женщины» в рассказах З. Н. Гиппиус на материале «Мисс Май» и «Яблони цветут» мы использовали теорию Ю. Лотмана о взаимоотношении между художественными произведениями с культурными кодами и мировоззрением самого автора. Также был рассмотрен ряд философских взглядов и мировоззрений, среди которых – взгляды самой Гиппиус на женщин и ее концепция любви. В процессе анализа образа «новой женщины» были изучены семантика имен героинь, символические образы яблока, ольфакторные и акустические образности. Кроме того, был применен сравнительный метод для сопоставительного анализа женских образов в творчестве Гиппиус и ее предшественников, таких как И. С. Тургенев, И. А. Гончаров и Н. Г. Чернышевский.

Результаты

Ю. Лотман отмечает: «Художественная система строится как иерархия отношений. Само понятие “иметь значение” подразумевает ... факт определенной направленности. А так как художественная модель в самом общем виде воспроизводит образ мира для данного сознания, то есть моделирует отношение личности и мира (частный случай – познающей личности и познаваемого мира), то эта направленность будет иметь субъектно-объектный характер» (Лотман, 1970, с. 320). Таким образом, в художественной системе существуют и культурные коды, моделирующие отношения женщины и общества, а также присутствует мировоззрение самого автора, ее взгляды на любовь и женщин.

Конец XIX – начало XX века были ознаменованы серьезным кризисом в русской литературе. Вместе с тем произошел существенный подъем женской литературы, благодаря чему в поле зрения русской интеллигенции вошел широкий ряд женских проблем. Как отмечает финский русист Эконен Кирсти в своей книге «Творец, субъект, женщина. Стратегии женского письма в русском символизме»: «Зинаида Гиппиус <...> в числе многих других были женщинами, которые не хотели быть “прекрасными творениями”, но – их создателями. В то же время они все были тесно связаны с социальными и эстетическими практиками раннего модернизма...».

О взаимосвязи художественных образов, писателей, персонажей и социальной культуры говорит и Ю. Лотман: «Созданный автором текст оказывается включенным в сложную систему внетекстовых связей, которые своей иерархией нехудожественных и художественных норм разных уровней, обобщенных опытом предшествующего художественного творчества, создают сложный код, позволяющий дешифровать информацию, заключенную в тексте» (Лотман, 1970, с. 357). Таким образом, на создание образа «новой женщины» оказывают влияние и социальная культура, и литературная традиция символистов, и предпочтения самой Зинаиды Гиппиус.

Необходимо подчеркнуть, что слово «женственность» занимает важное место в творчестве символистов. Во-первых, культ женщин-символистов исходит из мыслей о эффеминации природы, материнстве, хаотической силе жизни в народной культуре. Вяч. Иванов связывал женственность с идеей народной души России. Женщина – эмблема земли (а мужчина – эмблема неба) и символ матери, Родины и России. Но в то же время «вечная женственность» для символистов – это не конкретная женщина, а идеальный синтез женственности. В русской поэзии Серебряного века Вечная женственность – лик вечной мистической возлюбленной, не тождественный ни одному из земных лиц и существующий лишь в предчувствии и надежде (Николюкин, 2001, с. 122). Руководствуясь принципом жизнотворчества, символисты часто проецировали свою фантазию о «вечной женщине» на реальную женщину.

Взгляд З. Гиппиус на женщин более сложен и порой даже противоречив. Большое влияние на ее взгляды оказал Отто Вейнингер. Так, статья «Зверобог» была написана под влиянием его книги «Пол и характер». Слово «Зверобог» включает два слова: «Зверь» и «Бог». Видно, что Гиппиус рассматривает женщину как синтез Зверя и Бога. Опираясь на взгляды Вейнингера, поэтесса отмечает, что нет чистого мужчины и чистой женщины. Каждое живое человеческое существо – неравномерная смесь этих двух начал (женские факторы и мужские факторы). Кроме

того, мужчина – это субъект, женщина – это объект. Используемые Гиппиус мужские псевдонимы (Антон Крайний и т. д.) подтверждают данную точку зрения.

Необходимо подчеркнуть, что Гиппиус видит ошибки мыслителя в том, что он с определения Женского Начала, «Ж», переходит на определение реальной женщины. Он забывает свою собственную мысль о несуществовании чистой женщины, произвольно конкретизирует «Ж», и постепенно все, что он выяснил о «Ж», оказывается принадлежащим всякой реальной женщине. З. Гиппиус поясняет: «Нет живого субъекта без преобладания в нём того или иного начала; и в этой неравномерности – потенция “перехода за границы своего феноменального бытия” к другой личности, потенция любви» (Цит. по: Жарикова, 2018, с. 53).

В статье «Зверобог» приводится социальный феномен – двойной стандарт по отношению к моральному мерилу в отношении полов, который критиковали современные феминистки: «К женщине предъявляют другие требования, нежели к мужчине, и если снисходят к ней в ее плохих мужских делах, то тем более строго судят ее в ее “существовании”, в ее поле. И это лежит гораздо глубже всех социальных условий. Замечательно, что до сих пор, на небольших пространствах истории, рост культуры как бы даже увеличивал такое отношение, вернее, выявлял его более резко» (Гиппиус, 2003, с. 326). Примечательно, что в своем творчестве Гиппиус старалась избегать представления себя как женщины-писателя. «Мужественность» была маской, которую она выбрала для себя в социальном и культурном климате того времени. Она также утверждала, что, физиологически будучи женщиной, по духу она ближе к мужчине. Несомненно, что в социальных условиях того времени маска мужественности позволяла ей более справедливо и легче оценивать свои работы.

Находясь под сильным влиянием идей Вл. Соловьева, Зинаида Гиппиус придавала любви глубокое философское значение. Она рассматривает мировой процесс как процесс восхождения, сопровождаемый во времени борьбой двух начал: Бытия и Небытия. О. А. Блинова отмечает: «Как у Соловьёва, так и у Гиппиус концепты любви и Богочеловечества, мыслимые как средство и цель одного мирового процесса, находятся в тесной взаимности» (Блинова, 2019, с. 108). Сама же Гиппиус пишет следующее: «Отсюда вытекает и поставленная перед человечеством тройная – или триединая – задача, то есть три нераздельно связанных между собою вопроса: 1) о “я” (личность), 2) о “ты” (личная любовь) и 3) о “мы” (общество) <...> В тройственной мировой задаче – задача любви занимает срединное место, она как бы мост, соединяющий 1 и 3, Личность и Общество» (Гиппиус, 2002, с. 434).

И в центре ее внимания – духовная любовь, ведь для З. Гиппиус любовь духовная превышает физическую. Вот как она рассуждает о встрече двух людей: «Сущность встречи одна: это узнавание своих же мыслей другого. Как не только свои, но ставшие с кем-то общими, это мысли зажигаются новым огнем... К его словам (нашим общим) я прибавляю свои (тоже общие), договариваю то, что он не успел договорить» (Гиппиус, 2002, с. 435). И далее: «Эрос не ранит одной стрелой обоих. У Эроса две стрелы. И он строит двойной мост между двумя: от мужественности одного человеческого существа к женственности другого и от женственности – к мужественности второго» (Шестаков, 1991, с. 193). По мнению Гиппиус, самое важное значение любви – это встреча двух душ. Как отмечал Вейнинггер: «...только обладание “Я” в высшем смысле этого слова – ведет к признанию “Ты” в другом...». Поэтому для Гиппиус истинная свобода – это не просто социально-политические вольности, за которые выступают феминистки, а внутренняя духовная свобода и освобождение личности. Суть образа «новой женщины» заключается в синтезе взглядов Гиппиус на женщин и любовь, а стремление «новых женщин» к идеальной любви – это отражение стремления самой поэтессы к духовной свободе.

Важно отметить, что образ «новой женщины» у Гиппиус тесно связан с природой, красотой и гармонией, и эти связи выражаются с помощью звукописи и запахов. «Под звукописью могут пониматься особенности поэтики образов звучания – художественных образов, являющихся органично вписанными в образную ткань целого произведения. Образы звучания, как и другие образы художественной системы, могут обладать философской, эстетической, религиозной,

этической, мифологической содержательностью, обусловленной системой духовных координат художника» (Трофимова, 2011, с. 43). В то же время посредством запахов передается множество деталей – эмоции, люди, места, растения и т. д. Ольфакторные и акустические образности представляют собой фон человеческой памяти, и в то же время воспаляют чувства персонажей. Несомненно, именно воспоминания, сформированные запахами и звуками, оказывают самое глубокое влияние на мысли людей. Рассказы Гиппиус насыщены звукописью и описаниями запахов, которые отражают самые глубокие душевные чувства человека.

Героиня рассказа «Мисс Май» пришла с весной. До появления героини описывается окружающий пейзаж: «В одном месте его охватил на минуту теплый аромат только что распускающейся черемухи. Потом струя сырого воздуха, пахнущего глубокой водой и травами, донеслась от пруда» (Гиппиус, 2001, с. 491). Когда Андрей первый раз разговаривает с героиней, то отмечает следующее: «голос у нее был не громкий, но и не глухой. Среди звуков природы он, вероятно, не нарушал бы гармонии, потому что в нем не было резкости, свойственной человеческому голосу». Эти звуки, краски и запахи символизируют красоту и тесные связи героини с гармонией природы, благодаря чему Андрей избавляется от неизвестной тоски и замешательства. Кроме того, прощаясь с Андреем, мисс Май говорит следующее: «Истинная жизнь человека проходит быстро, как весна и лето, так же быстро. А потом люди остаются доживать, – это ошибка, им пресно и скучно, потому что жизни нет. Большое счастье, если можно пройти жизнь, прожить весну и лето – и кончить, не ползти дальше. И жизнь ничем нельзя продлить, как май нельзя продлить. Ты хочешь всегда со мной – как теперь. Теперь есть счастье, потому что есть жизнь, а потом все равно ничего не будет, потому что придет смерть. Живи со мной – а доживай... с кем хочешь... Я бы не хотела доживать совсем». Это замечание показывает, что героиня стремится к идеальным, духовным, благородным и чистым чувствам, отказывается от замужества, отказывается от роли жены, не заботится о результате любви, уделяя наибольшее внимание любовным переживаниям.

Имя и фамилия героини мисс Май имеют символическое значение и намекают на развязку рассказа. Ее имя Май – время года, когда герой и героиня встречаются, ведь, по словам героини, скоро пройдет весна, как любовь. Ее фамилия происходит от английского слова ever, означающего «когда-то» или «всегда». Тем самым Гиппиус показывает эмоциональную ценность этого образа в имени героини.

В рассказе «Яблони цветут» поэтесса также сделала подобный символический намек. Имя героини Марта побуждает читателей связывать это имя с месяцем мартом, который является первым весенним месяцем. Как и мисс Май, героиня данного рассказа появляется с силой весны, чтобы избавить героя от смятения и печали, вдохновить его на поиск истинного смысла жизни, а затем тихо и безмолвно исчезнуть из жизни героя после непродолжительных отношений. Когда они впервые встречаются, герой отмечает звук платья Марты: «Это были даже не шаги, а какой-то связный шорох, точно что-то проволоклось по земле – и затихло». С тех пор образ Марты производит на героя сильное впечатление: «Она казалась мне красивой, как небо сквозь деревья, как нежный, душистый воздух, как розовые облака около уходящего солнца» (Гиппиус, 2001, с. 269). Именно разговор с Мартой заставляет героя вновь размышлять об образе своей матери. Когда он приходит к ней проститься, то чувствует следующее: «В первый раз в жизни мне показалось, что ее духи пахнут не настоящей весной...». Появление Марты позволяет герою получить временное освобождение из пут своей матери-манипулятора. Она учит героя вырываться из тисков других и прислушиваться к своему сердцу и природе.

Что касается яблок, то они рассматриваются автором как еще один важный и многогранный символ. С одной стороны, «адамово яблоко» – один из мужских половых признаков, и яблоки, съеденные Адамом и Евой, заставили их спуститься из Эдемского сада на землю. В западной культуре «яблоко» обычно означает соблазн, а также определенную зрелость. В рассказе «Яблони цветут» Марта является символом «искушения», представляющим свободу, а также метафорой постепенного самопознания и «зрелости» героя. В довершение к этому, через весь рассказ про-

ходит процесс цветения яблони: бутоны на яблоне только-только побелели при первой встрече героев. Когда же им приходит пора расставаться, яблони уже в полном цвету и совсем скоро начнется их увядание. В начале рассказа герой стремился к покою своего внутреннего мира, после знакомства с Мартой он приближается к своему идеалу, но в конце вновь возвращается в одиночество и тоску в петербургской квартире.

Посредством звуков (молчание окружающей среды, гармоничный и приятный звук, принесенный героиней) и многозначных метафор и символов, Гиппиус демонстрирует образ «новой женщины». С одной стороны, она представляет собой наследницу «нигилисток», не боящуюся светских стандартов и считающую, что духовная любовь выше физической; с другой стороны, эти «новые женщины» часто играют роль духовных наставниц мужчин, а также становятся символами «свободы» и «зрелости». Наконец, описываемые в романе «новые женщины» и заданные писательницей противоположные женские образы сильно отличаются друг от друга, благодаря чему образ «новой женщины» глубже укореняется в сердцах людей.

С начала 60-х годов XIX века появляется образ «новой женщины» в русской литературе (в тот момент данное понятие обращается в основном к нигилистам и тесно связано с понятием «нового человека»). Если цель нового человека заключается в том, чтобы содействовать социальной перестройке и реформам в рамках новой справедливой системы, то цель «новой женщины» – стремление к освобождению от семьи и брака, реализация личных и общественных ценностей. Наиболее типичные и репрезентативные образы «новой женщины» были созданы И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым и Н. Г. Чернышевским.

Сходство прозы З. Гиппиус и И. С. Тургенева впервые отметил Валерий Брюсов, отнеся ее прозу к продукции «эпигонов тургеневской школы» (Брюсов, 1990, с. 217). Брюсов низко оценивал художественную ценность прозы как самого Тургенева, так и его «подражательницы», однако его оценка доказывает, что в ранней прозе Гиппиус действительно прослеживается тургеневская традиция. Именно в рассказах «Мисс Май» и «Яблони цветут» обнаруживаются тургеневские реминисценции, а также тематическое сходство и некоторые элементы поэтики Тургенева.

Во-первых, героиня из «Мисс Май» и Эллис из «Призраков» соотнесены друг с другом. Основная особенность обеих героинь – призрачность, недоволенность. Они обе существуют на стыке двух миров. Мисс Май существует на грани природного и человеческого мира, Эллис – на грани посюстороннего и трансцендентного. Эллис в «Призраках» символизирует непостижимость, непонятность всего происходящего в мире, в частности, непостижимость онтологической природы мира (Пильд, 1999, с. 59). Но мисс Май стремится к душевной гармонии не только в окружающей среде, но и в своей личной жизни. Оба писателя уделяли внимание женской психике. Тургенев рассматривал «загадочность» и «непредсказуемость» как основную сущность и характерную особенность женщин, в то время как Гиппиус, будучи женщиной, подчеркивает интуитивность постижения мира. Кроме того, ее «новые женщины» – носительницы нового мистико-пантеистического мироощущения.

Во-вторых, при анализе рассказов «Мисс Май» и «Яблони цветут» явно прослеживается симметричность композиции. Например, личная жизнь героя Андрея и его лакея Тихона, а пара положительный – отрицательный персонаж (Мисс Май и невеста Андрея Катя) сходна с парой Елена – Варвара в романе Тургенева «Рудин».

В-третьих, обнаруживается «скрытый» психологизм в описании психологических изменений героев, но в прозе Гиппиус 1890-х гг. четко прослеживается одна закономерность: предельное приближение повествователя к «рациональным» персонажам и дистанцирование от персонажей «иррациональных» (то есть постигающих реальность интуитивно). «Скрытый» психологизм Тургенева знаменует в глазах Гиппиус «трезвость» и рассудочную ясность художника (Брюсов, 1990, с. 63). Поэтому следует предположить, что концентрация тургеневских мотивов и других структурных элементов прозаических текстов Тургенева у Гиппиус является маркированной.

В трилогии романов («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв») И. А. Гончаров показывает эволюцию женских персонажей, которые ищут ответ на главный вопрос (поскольку он

беспокоит и автора, и персонажей): в чем состоит смысл жизни, особенно если рассматривать жизнь женщины в условиях цивилизации и прогресса? Действительно, Лизавета, Ольга и Вера всю жизнь стремятся к гармонии и единению своей духовной и социально-культурной жизни. В этом заключается сходность героинь З. Гиппиус и Гончарова. Для Гончарова истинная любовь появляется там, где «исчезает своё я и переходит в него или в неё» (Гончаров, 1953, с. 392). Поэтому Ольга прилагает все усилия для помощи Обломову, старается направить его на верный путь, хотя в конце концов она и отступает. Мисс Май и Марта также хотели бы использовать силу любви, чтобы избавить героев-мужчин от трусости и консервативности. И все они потерпели неудачу. Причина заключается в том, что говорит Ольга Обломову: «Я любила в тебе то, что я хотела, чтоб было в тебе ... Я любила будущего Обломова! ... да я не такая; мне мало этого, мне нужно чего-то еще, а чего – не знаю!» (Гончаров, 1953, с. 380, с. 382). И. П. Щерблякин оценивал роман Гончарова следующим образом: «в романах Гончарова линия женских образов значима не только сама по себе, как объективированная реальность, но и (возможно, в большей степени) как отражение собственных, субъективных представлений автора о происходящих в обществе переменах и конфликтах» (Щерблякин, 2003, с. 171). И З. Гиппиус выражала свою озабоченность изменениями в социальном, культурном и духовном мире, что она и стремилась выразить серией женских образов в своих рассказах. Однако очевидно, что Гиппиус твердо выбрала в качестве главного первый из волнующих Гончарова вопросов – обсуждения баланса между новым стремлением женщин к гармонии в духовной жизни и социальной этикой.

В своем творчестве Н. Г. Чернышевский изучал новые женские типы – женщин-«нигилисток», как, например, Вера Павловна из романа «Что делать?». Эти «нигилистки» стремятся к самореализации и в обществе, и в своей бытовой жизни. Они отрицают не только сословные ограничения, но и сословные свободы, данные им при рождении, – порывают с семьей, отказываются от материальной помощи и наследства. Женщины захотели отдохнуть от общественности и снять сбрую социально-утилитарных идей. Для этого романа характерны нотки грусти и тоски по безвозвратно ушедшим временам высоких общественных идеалов и героическим борцам за свободу (Жажская, 2008, с. 98). В своем стремлении к свободе личность пыталась выйти за пределы всех ограничительных законов, и была готова к самопожертвованию или, в случае необходимости, к преступлению. Именно женщины стали яркими приверженцами радикальных революционных групп (Вознесенская, 2012, с. 154). «Новые женщины» Гиппиус также ставят перед собой вопросы, никогда ранее не подвергавшиеся столь явному сомнению: выходить ли замуж, создавать ли семью, ограничивать ли себя домашней жизнью или иметь профессию и самим зарабатывать деньги, делая карьеру и т. д. Так, в рассказах З. Гиппиус мы можем увидеть характерный для этого периода времени маскулинный женский тип и феминный мужской (Михедеркина, 2015, с. 136).

На основе сопоставительного анализа произведений З. Гиппиус с романами Тургенева, Гончарова и Чернышевского следует поставить следующий вопрос: чем отличается образ «новой женщины» Гиппиус от женских образов ее предшественников? Во-первых, «новые женщины», описанные Гиппиус, всегда остаются в стороне от социальных и политических вопросов, их не интересуют революционные идеи, не говоря уже о поиске собственных духовных наставников. Авторы (или персонажи в произведениях) обычно видят в таких женщинах музу и спасительницу мужчины. Как отмечает Ю. Лотман, «женский образ дал литературе положительного героя. Именно здесь сформировался художественный (и жизненный) стереотип: мужчина – воплощение социально типичных недостатков, женщина – воплощение общественного идеала» (Лотман, 1994, с. 64). Во-вторых, хотя стиль одежды «новых женщин», описанных З. Гиппиус, отличается от стиля традиционных женщин, они не будут яростно отказываться от всех платьев (которые символизируют их женственность), как женщины-нигилистки, описанные писателями XIX века. Они уделяют куда большее внимание духовным, нежели физическим изменениям, больше озабочены своей уникальностью, чем просто желанием выявить определенную общественно-политическую позицию, их возвышенная цель – поиск подлинного смысла жизни. В конце концов,

эти «новые женщины» никогда не пойдут на компромисс, что резко контрастирует с главным героем-мужчиной в рассказах, и именно в этом состоит наибольшее отличие от женщин Тургенева, Гончарова и Чернышевского.

Ю. Лотман подытожил три стереотипных женских образа: «Первый образ – это образ нежно любящей женщины, жизнь и чувства которой разбиты <...> Другой идеал – демонический характер. В литературе (и в жизни) он ассоциировался, например, с героическим образом “беззаконной кометы”, смело разрушающей все условности созданного мужчинами мира <...> Этот образ становится в один ряд с образами мужчины-протестанта» (Лотман, 1994, с. 65-66). В качестве третьего образа Лотман выделяет «типический литературно-бытовой образ эпохи – женщина-героиня. Характерная его черта – включенность в ситуацию противопоставления героизма женщины и духовной слабости мужчины» (Лотман, 1994, с. 72). Хотя З. Гиппиус унаследовала традиции вышеупомянутых писателей, не стоит забывать о значительных различиях в социальной среде, культурном фоне, а также о новых литературных течениях, возникших на рубеже XIX-XX веков. Таким образом, вполне ожидаемо заметны различия в формировании трех типов женских образов. Помимо данных причин, необходимо принять во внимание половую принадлежность писателей. Мужчины смотрят в первую очередь на женское тело, которое является объектом проекции собственных страстей зрителя, таких как плечи, грудь, руки, губы и т. д. Авторы-мужчины в первую очередь описывают физическую сторону героинь, и весь идеал их женщин по большей части одинаков – прекрасная внешность и фигура. Как отмечала Симона Де Бовуар в своей книге «Второй пол»: «Женщина не определяется природой» (Бовуар, 2014, с. 9). Под пером авторов-мужчин все три типа образа женщин характеризуются синтезом их фантазии об идеальной женщине. Но авторы-женщины, такие как З. Гиппиус, редко описывают тело женщин. Зачастую они предпочитают создавать образы настоящих женщин-героинь, которые не являются лишь объектом с точки зрения мужчин. Независимо от их внешности, всех этих женщин объединяет освобождение от ограничений морального кодекса. Иначе говоря, они не рассматривают этические нормы как основу своей жизни, и главенствующим смыслом жизни для них становится душевной покой.

Выводы

В процессе анализа образа «новой женщины» З. Н. Гиппиус в рассказах «Мисс Май» и «Яблони цветут» отмечены тургеневские реминисценции, выявлено сходство тематики и поэтики. Соотнесены друг с другом характерные особенности образов героинь обоих писателей, а в организации рассказов «Мисс Май» и «Яблони цветут» отмечены симметричность композиции и скрытый психологизм. Что касается Гончарова и Чернышевского, то все писатели стремились выразить свои взгляды на проблему изменений в социально-духовной и личной жизни с целью выявления подлинного смысла жизни, хотя у каждого писателя и были разные формы выражения данного поиска

Образ новой женщины З. Гиппиус характеризуется устойчивыми стремлениями к душевному покою, поэтому они всегда остаются в стороне от социальных и политических вопросов. Наибольшее внимание они уделяют своей уникальности, нежели стремлению выразить определенную общественно-политическую позицию, поскольку их главная цель – поиск настоящего смысла жизни. В конце концов, эти «новые женщины» никогда не пойдут на компромисс, что резко контрастирует с главным героем-мужчиной в рассказах. Именно в этом и состоит их наибольшее отличие от женщин, описанных писателями XIX века. Методы формирования женских образов авторами-мужчинами и авторами-женщинами разительно отличаются.

С точки зрения практической значимости образ «новой женщины» способствует самоосвобождению большего количества женщин в реальности; с точки зрения эстетической значимости появление образа «новой женщины» поколебало эстетические стандарты и этические требования к женским персонажам со стороны исследователей и читательской аудитории. С точки зрения социальной значимости образ «новой женщины» становится символом стремления к

гендерному равенству. Как отмечает Ю. Лотман: «...ко второй половине XIX в. началась борьба не за то, чтобы быть “мужчиной”, а за то, чтобы мужчина и женщина воспринимались как равноценные в едином понятии “человек”» (Лотман, 2000, с. 97). Стоит упомянуть вопрос, заданный З. Гиппиус в «Зверебоге»: «Что же такое Беатриче, как не объект в высшей степени, существующий лишь постольку, поскольку существует субъект – Данте?». И покуда будут вновь и вновь появляться талантливые писательницы, создающие свои яркие образы «новых женщин», процесс женской эмансипации не остановится никогда.

Источники

- Блинова О. А. (2019) «Арифметика любви» versus «смысл любви»: неслиянность и нераздельность мысли Зинаиды Гиппиус и Владимира Соловьева. Соловьевские исследования, вып. 3 (63), с. 106–120.
- Брюсов В. Я. (1990) Среди стихов. М., Сов. писатель, 714 с.
- Вознесенская А. П. (2012) Образ женщины-нигилистки как отражение смены ценностной парадигмы в культуре России XIX в. Общество. Среда. Развитие (Terra Humana), № 2, с. 153–156.
- Гиппиус З. Н. (2003) Зверобог. О половом вопросе. Собрание сочинений. Т. 7. Мы и они. Литературный дневник. Публицистика 1899–1916 гг. М., Русская книга, 528 с.
- Гиппиус З. Н. (2001) Мисс Май. Собрание сочинений. Т. 1. Новые люди: Романы. Рассказы. М., Русская книга, 544 с.
- Гиппиус З. Н. (2002) О любви. Мечты и кошмар (1920–1925). СПб., Росток, 560 с.
- Гиппиус З. Н. (2001) Яблони цветут. Собрание сочинений. Т. 1. Новые люди: Романы. Рассказы. М., Русская книга, 544 с.
- Гончаров И. А. (1952) Обломов. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. М., Правда, 358 с.
- Жажская А. С. (2008) «Новая женщина» Н. Г. Чернышевского: дискуссии вокруг романа. Культурная жизнь Юга России, № 4 (29), с. 97–98.
- Жарикова О. В. (2018) Андрогигизм Зинаиды Гиппиус. Идеи. Поиски. Решения. Сборник статей и тезисов XII Международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, Минск, 26 октября 2018 г. В 7 т. Т. 6. Минск, БГУ, с. 52–56.
- Лотман Ю. М. (1970) Структура художественного текста. М., Искусство, 387 с.
- Лотман Ю. М. (1994) Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., Искусство – СПб., 485 с.
- Лотман Ю. М. (2000) Семиосфера. Мир собственных имен. Перевернутый образ. М., Искусство, 704 с.
- Михедеркина К. В., Божкова Г. Н. (2015) Виды женских образов в прозе З. Н. Гиппиус. Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 4 (46): в 2-х ч. Ч. II. С. 134–136.
- Николюкин А. Н. (2001) Литературная энциклопедия: терминов и понятий. М., НПК «Интелвак», 799 с.
- Пильд Л. Л. (1999) Тургенев в восприятии русских символистов (1890–1900-е годы). Тарту, Издательство Тартуского государственного университета, 136 с.
- Русский Эрос, или Философия любви в России (1991). Сост. В. П. Шестаков. М., Прогресс, 448 с.
- Трофимова П. В. (2011) Деталь как средство многоаспектного воссоздания эмоционально-чувственного богатства мира и человека в романе «Тихий Дон» М. А. Шолохова. Lingua Mobilis, № 2 (28), с. 5–48.
- Щеблыкин И. П. (2003) Эволюция женских образов в романах И. А. Гончарова. И. А. Гончаров: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 190-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Редкол. М. Б. Жданова (отв. ред.) и др. Ульяновск, Корпорация технологий продвижения, 375 с.
- 西蒙·波伏娃[Симона Де Бовуар](2014) 郑克鲁译. 第二性. 上海: 上海译文出版社, 614页。 [Второй пол. В пер. Чон Кру. Шанхай: Шанхайское издательство переводов], 614 с.

References

- Blinova O. A. (2019) “Arifmetika lyubvi” versus “smysl lyubvi”: nesliyanost’ i nerazdel’nost’ mysli Zinaidy Gippius i Vladimira Solov’yeva [“The arithmetic of love” versus “the meaning of love”: incongruence and inseparability of the thought of Zinaida Gippius and Vladimir Solovyov. Solov’yevskiye issledovaniya – Soloviev Research, no. 3 (63), pp. 106–120 (In Russian)].
- Bryusov V. Ya. (1990) Sredi stikhov [Among the verses]. Moscow, Sovetskiy Pisatel’ Publ., 714 p. (In Russian).
- Gippius Z. N. (2003) Zverebog. O polovom voprose [Beast God. About the sexual question]. Sobraniye sochineniy. T. 7. My i oni. Literaturnyy dnevnik. Publitsistika 1899–1916 gg. [Collected works. Vol. 7. Us and them. Literary diary. Journalism 1899–1916]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 528 p. (In Russian).
- Gippius Z. N. (2001) Miss May [Miss May]. Sobraniye sochineniy. T. 1. Novyye lyudi: Romany. Rasskazy [Collected works. Vol. 1. New People: Novels. Stories]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 544 p. (In Russian).
- Gippius Z. N. (2002) O lyubvi. Mechty i koshmar (1920–1925) [About love. Dreams and Nightmare (1920–1925)]. St. Petersburg, Rostok Publ., 560 p. (In Russian).

- Gippius Z. N. (2001) Yablони tsvetut [Apple trees are blooming]. Sobraniye sochineniy. T. 1. Novyye lyudi: Romany. Rasskazy [Collected works. Vol. 1. New People: Novels. Stories]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 544 p. (In Russian).
- Goncharov I. A. (1952) Oblomov [Oblomov]. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. T. 4. [Collected Works in 8 volumes. Vol. 4]. Moscow, Pravda Publ., 358 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (1994) Besedy o russkoy kul'ture: byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka) [Conversations about Russian culture: customs and traditions of the Russian nobility (18th – early 19th centuries)]. St. Petersburg, Iskusstvo – SPb. Publ., 485 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (2000) Semiosfera. Mir sobstvennykh imen. Perevernutyi obraz [Semiosphere. The world of proper names. Reversed image]. Moscow, Iskusstvo Publ., 704 p. (In Russian).
- Lotman Yu. M. (1970) Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text]. Moscow, Iskusstvo Publ., 387 p. (In Russian).
- Mikhederkina K. V., Bozhkova G. N. (2015) Vidy zhenskikh obrazov v proze Z. N. Gippius [Types of female images in the prose of Z. N. Gippius]. Philology. Theory & Practice, no. 4 (46): in 2 parts. Part II. pp. 134–136 (In Russian).
- Nikolyukin A. N. (2001) Literaturnaya entsiklopediya: terminov i ponyatiy [Literary encyclopedia: terms and concepts]. Moscow, NPK “Intelvak” Publ., 799 p. (In Russian).
- Pild L. L. (1999) Turgenev v vospriyatii russkikh simbolistov (1890–1900-ye gody) [Turgenev in the Perception of Russian Symbolists (1890–1900s)]. Tartu, Tartu State University Press., 136 p. (In Russian).
- Russkii Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii [Russian Eros, or the Philosophy of Love in Russia] (1991). Comp. V. P. Shestakov. Moscow, Progress Publ., 448 p. (In Russian).
- Shcheblykin I. P. (2003) Evolyutsiya zhenskikh obrazov v romanakh I. A. Goncharova [The evolution of female images in the novels of I. A. Goncharov]. I. A. Goncharov : Materialy Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 190-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova [Goncharov I. A.: Proceedings of the International Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of I. A. Goncharov]. Comp. M. B. Zhdanova et al. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya Publ., 375 p. (In Russian).
- Trofimova P. V. (2011) Detal' kak sredstvo mnogoaspektnogo vossozdaniya emotsional'no-chuvstvennogo bogatstva mira i cheloveka v romane “Tikhiy Don” M. A. Sholokhova [Detail as a means of multi-aspect recreation of the emotional and sensory richness of the world and man in the novel “Quiet Flows the Don” by M. A. Sholokhov]. Lingua Mobilis, no. 2 (28). pp. 5–48 (In Russian).
- Voznesenskaya A. P. (2012) Obraz zhenshchiny-nigilistki kak otrazheniye smeny tsennostnoy paradigmy v kul'ture Rossii XIX v. [The image of a nihilist woman as a reflection of the change in the value paradigm in the culture of Russia in the 19th century]. Society. Environment. Development (Terra Humana), no. 2, pp. 153–156 (In Russian).
- XIMéng BōFúWá (2014) Zhèng Kèlǔ yì. DìÈrXìng [Simone de Beauvoir. (Translated by Zheng Kelu) The Second Sex]. Shanghai, Shanghai Publishing House, 614 p. (In Chinese).
- Zharikova O. V. (2018) Androgigizm Zinaidy Gippius [Androgynism of Zinaida Gippius]. Idei. Poiski. Resheniya [Ideas. Search. Solutions]. Collection of articles and abstracts of the XII International Scientific and Practical Conference of Teachers, Postgraduates, Undergraduates, Students, Minsk, October 26, 2018. In 7 vols. Vol. 6. Minsk, BSU Publishing House, pp. 52–56 (In Russian).
- Zhazhskaya A. S. (2008) “Novaya zhenshchina” N. G. Chernyshevskogo: diskussii vokrug romana [“The New Woman” by N. G. Chernyshevsky: discussions around the novel]. Cultural Studies of Russian South, no. 4 (29), pp. 97–98 (In Russian).

Информация об авторе

Ван Чжаовэй

PhD. Институт русского языка Пекинского университета иностранных языков, г. Пекин, Китай. ORCID ID: 0009-0002-5458-3128.
E-mail: bepa921victoria@163.com

Autor's information

Wang Zhaowei

PhD. School of Russian Language, Beijing Foreign Studies University, Beijing, China.
ORCID ID: 0009-0002-5458-3128.
E-mail: bepa921victoria@163.com